

Беда наступала с каждым днём...

Эти строки написала моя прабабушка Тютюкина Ольга Федоровна. Она была маленькой девочкой, когда началась война. Прабабушки уже нет с нами, а её воспоминания о прожитых страшных днях хранятся у нас в семье с особым трепетом.

НЕ ВЕДАЯ ГОРЯ

День этот забыть нельзя. Радостный, солнечный, выходной день. Счастливые семьи, наше счастливое детство. И вдруг...

Суровый строгий голос диктора, который теперь известен многим по записи. И слова, принесшие людям в первый миг тревогу. Люди стояли у репродукторов на улицах, дома.

Еще не зная всего, что ждет нас и наш народ, люди почувствовали, что пришла беда, большая беда и несчастье 22 июня 1941 года.

Мы, дети, видели взволнованные лица взрослых, озабоченность и тревогу наших родителей. Многие считали, что нам придется пережить какие-то трудности, но совсем недолго. Наверное, к концу лета, к началу к началу нового учебного года все закончится. И мы снова пойдем в школу.

А оказалось, что это огромное бедствие пришло на годы, унесло миллионы человеческих жизней. Прошло более 70 лет. Но отдельные эпизоды не забыть и, по-видимому, не забудутся никогда.

ГРОЗИТ НАМ ГОЛОДОМ

Первые бомбы, падающие на Ленинград, запомнились воздушные тревоги, которые объявлялись по радио воем сирены и сигналами «Воздушная тревога, воздушная тревога». Мы все собирали вещи и шли в бомбоубежище. Так было только в первые дни. Потом мы все, взрослые и дети, стали дежурить на чердаках и гасить зажигательные бомбы. В один из первых сентябрьских дней небо в Ленинграде озарилось огнем пожара, который был виден далеко вокруг, и мы с нашего двора тоже смотрели и слышали голоса: «Горят Бадаевские склады», что это такое нам, детям, было неизвестно. Тогда мы, конечно, не поняли, что это грозит нам голодом (да и не только это).

Это первое сильное впечатление, которое осталось от начала войны.

А потом беда наступала с каждым днем. Все больше хотелось есть, и все меньше нам могли дать хлеба. Это страшное слово — голод....

Это ощущение, к счастью, не знакомо грядущему поколению. Это ощущение описать трудно. Казалось, что больше нельзя ни и чем думать. Только бы дали хоть крошечку, хоть глоточек какой-нибудь бурды. Страшно было смотреть на ленинградских детей того времен. Моей маленькой сестренке было ровно год, когда началась война. К осени 1941 года ей было год и несколько месяцев.

872 дня.

8 сентября 1941 года
по 27 января 1944 года

И она уже начинала лепетать на своем языке. Как известно, лексикон у детей свой. И хлеб Наташенька почему-то называла «га-га». Сидя на диване, она постоянно заунывно просила: «га-га, га-га».

Это одно из сильнейших и страшных воспоминаний. Сейчас даже трудно представить себе, что ребенку, просящему есть, нечего дать. Тоненькие просящие детские ручонки и нечего дать...

Ленинградцами пережито все страшное — бомбежки, обстрелы, голод.

На улице, где мы жили, находился городской морг. Даже сейчас, проходя по ней, вспоминаешь, то что здесь было.

Голодные, ослабевшие, истощенные люди не могли довести трупы своих близких и оставляли их на улице, не дойдя нескольких шагов. Застывший труп мальчика из ремесленного училища. Присевшего на тумбочку у соседнего дома и больше не вставшего. Вспоминается и многое другое...

Прошло более 70 лет, а картины эти остались незабываемы навечно.

Когда наступил день Победы радость и слезы были на глазах у людей. Ведь почти не было семьи, которая бы не потеряла в войну кого-то из близких.

Вспоминая все это, особенно чувствуешь, какое счастье, что почти два поколения не знает, что такое война и бедствие, приносимые ею.

Пусть вечно светит солнце над нашей планетой, пусть всегда будут счастливы люди, живущие на ней, пусть будут сыты и веселы дети.

Тютюкина Ольга Фёдоровна
(01.06.1930 – 29.08.2017)

Материал предоставлен
Михайловым Степаном, 8Б